

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-1-17>

УДК 316

Attribution

cc by

**МОЛОДЕЖНАЯ ЛЕКСИКА КАК СФЕРА КОММУНИКАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА
ПОВСЕДНЕВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Майба В.В.¹, Сизова Н.М.², Гафиатулина Н.Х.³

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, vita.maiba@yandex.ru

²Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, natasizo@mail.ru

³Южный федеральный университет, gafiatulina@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена социологическому осмыслению молодежной лексики как сферы коммуникации, влияющей на изменение социокультурного дискурса повседневных социальных практик российской молодежи. Молодежь как объект исследования рассматривается в качестве особой социальной группы. Молодежная лексика как сфера социальной коммуникации представляет собой способ выражения социокультурной идентичности. Теоретическая и методологическая база исследования состоит из концептуальных положений социологической и социолингвистической теорий, а также теории социальных практик. В молодежном социокультурном дискурсе отражается текущее состояние социокультурного пространства общества, его ценностно-нормативных оснований. Концепция молодежного дискурса включает прагматическую составляющую и вовлекает в дискурсивный анализ многие социально и культурно обусловленные аспекты: установки и ценностные ориентации коммуникантов, их статусно-ролевые позиции, этническую принадлежность, перцептивно-интерактивную сторону молодежной коммуникации. Под повседневностью авторы понимают определенный процесс жизнедеятельности молодежи, разворачивающийся в новом социокультурном дискурсе, в котором сокрыты новые значения и смыслы повседневной культуры молодежи. В статье приведен анализ факторов, изменяющих социокультурный дискурс повседневных социальных практик российской молодежи: социокультурный, социально-антропологический, социально-политический, социально-экономический, коммуникативно-информационно-технологический.

Ключевые слова: социокультурный дискурс, повседневные социальные практики, российская молодежь, молодежная лексика, молодежная коммуникация, цифровое общество, ценности, повседневность, Интернет.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**YOUTH VOCABULARY AS A SPHERE OF COMMUNICATION
IN THE CONTEXT OF CHANGES IN THE SOCIO-CULTURAL DISCOURSE
OF EVERYDAY SOCIAL PRACTICES OF RUSSIAN YOUTH**

Vita V. Maiba¹, Natalya M. Sizova², Natalya Kh. Gafiatulina³

¹Rostov State Transport University

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

³Southern Federal University

Abstract. This article is devoted to the sociological understanding of youth vocabulary as a sphere of communication influencing the change in the socio-cultural discourse of everyday social practices of Russian youth. Young people as an object of research are considered as a special social group. Youth vocabulary as a sphere of social communication is a way of expressing socio-cultural identity. The theoretical and methodological basis of the study consists of the conceptual provisions of sociological and sociolinguistic theories, as well as the theory of social practices. The youth socio-cultural discourse reflects the current state of the socio-cultural space of society, its value-normative foundations. The concept of youth discourse includes a pragmatic component and involves many socially and culturally conditioned aspects in the discursive analysis: attitudes and value orientations of communicants, their status and role positions, ethnicity, perceptual and interactive

side of youth communication. By everyday life the authors understand a certain process of youth life activity, unfolding in a new socio-cultural discourse, in which new meanings and senses of everyday youth culture are hidden. The article provides an analysis of factors changing the socio-cultural discourse of everyday social practices of Russian youth: socio-cultural, socio-anthropological, socio-political, socio-economic, communicative-information-technological.

Keywords: *sociocultural discourse, everyday social practices, Russian youth, youth vocabulary, youth communication, digital society, values, Everyday life, Internet.*

Funding: *Independent work.*

Введение.

Интерес к молодежной лексике, как особой сфере коммуникации, связанной с изменением социокультурного дискурса повседневности, на данном этапе общественного развития приобрел большую остроту в силу трансформации социокультурного контекста и изменениями практически во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Как известно, более 30 лет назад в условиях изменяющейся социальной реальности в российском обществе произошло изменение социокультурного контекста, так или иначе повлиявшего на статусные позиции лингвистической культуры, в частности, молодежной, усилившей маргинальность в ценностных ориентациях молодежи [1] и отразившейся в повседневной жизнедеятельности молодых людей, в их социальном взаимодействии, социальной коммуникации. Последняя в цифровом обществе «формируется во многом в виртуальном пространстве, поскольку значительная часть коммуникации подростков и молодых людей происходит в Интернете» [2, с. 927], при этом межличностная молодежная «телекоммуникация преимущественно сосредоточивается вокруг медиа, которые являются компьютерно-опосредованными. Инновационные медийные технологии», изменяя социокультурный дискурс повседневных социальных практик российской молодежи, порождают «новый тип коммуникации, определяют иные поведенческие модели участников коммуникативного процесса» [3, с. 19].

В свою очередь, актуальность изучения повседневных социальных практик (далее – ПСП) российской молодежи детерминирована тем, что молодежь как особая социальная группа, представляет собой прогрессивный слой общества, активно взаимодействующий с социальной средой, являющийся инновационным ресурсом и выразителем поступательного развития общества.

Теоретическое обоснование. Актуальность многих вопросов, имеющих отношение к реализации в практике повседневности различных коммуникативных стратегий молодежи как

особой социальной группы стали предметом исследования в рамках большинства общественных наук: социологии (в частности, социологии повседневности), социальной психологии, социальной антропологии, социолингвистики, политологии, социальной философии.

Теоретическая и методологическая база исследования состоит из концептуальных положений социологической и социолингвистической теорий, раскрывающих три базовых понятия: молодежный социокультурный дискурс, повседневные социальные практики, культура повседневности. Методологически использование указанных понятий может быть рассмотрено в контексте двух подходов: диспозиционного и социокультурного. В рамках диспозиционного подхода подразумевается анализ внутренних регуляторов социального поведения молодого человека, связанных с его определенными внутренними социокультурными установками, ценностями, регулируемыми молодежную коммуникацию и паттерны социального поведения молодежи в процессе взаимодействия. В рамках же социокультурного подхода подразумевается анализ внешних регуляторов социально-коммуникативных практик молодежи, связанных с социально-культурными нормами, ценностями и ежедневными социальными практиками, наличествующими в обществе. Заметим, что культурная парадигма в социологической теории предлагает свой собственный альтернативный взгляд на социокультурный дискурс повседневных социальных практик (далее, ПСП) молодежи, ибо в данной парадигме акцент делается на «конкретные характеристики процессов формирования дискурсов и коммуникативных практик» повседневности [4, С. 17].

Таким образом, мы определяем целостность двух подходов в рамках заявленной проблематики, поскольку они: во-первых, не просто не исключают друг друга, а дополняют; во-вторых, отражают внутренние (субъективные) и внешние (объективные) регуляторы молодежной коммуникации и социального поведения.

Смещение интереса социологов к повседневности послужило причиной пристального внимания к теориям практик. Как отмечает Е.В. Рябоконева, «теории практики (SPT, – social practice theory) акцентируют внимание на человеческой деятельности, субъективности, интересубъективности в связи с организацией, воспроизводством и трансформацией социальной жизни» [5, с. 1615]. В соответствии с теорией социальных практик, последние представляют собой «ежедневные практики, воспроизводимые индивидами в обществе» что подчеркивает социальный характер практики [5, с. 1615]. При этом непременным «элементом теории практик является феномен культуры – его неотъемлемость реализуется через признание способности к пониманию смыслов событий повседневности реализующего практику индивида» [6, с. 32].

Соответственно, в статье применяется также парадигма повседневности, которая; в свою очередь, основополагается на рассмотрении и изучении различных социальных практик. В данной парадигме работают многие отечественные исследователи: Кравченко А.И., Королев С.А., В.А. Луков, Е.Л. Омельченко, Е.А. Разумовская и др. При изучении молодежных ПСП, ученые исходят из наличия множества факторов изменения культуры повседневности.

Результаты. Обсуждение.

Прежде всего, обратимся к понятию «повседневность». Согласно определению, данному в толковом словаре С.Е. Ожегова, под «повседневностью» понимается «проводимый изо дня в день, всегда, постоянный, не прекращающийся, бывающий всегда, обычный; быт, бытовая сторона жизни» [7, с. 371].

Базовые параметры повседневности имеют следующие измерения: семья, быт, учеба, труд, потребление, язык, образ жизни; причем, эти параметры являются достоверным продуктом при изучении культуры народа – на макроуровне, отдельной группы и личности – на микроуровне, поскольку в них отражаются всякие социокультурные взаимодействия. Рассматривая семейно-бытовые, учебные, трудовые, потребленческие, языковые воздействия, которые наблюдаются в ПСП, можно выделить культуру повседневности как область повседневной реальности, как совокупность множества аспектов социальной жизни.

Современный российский исследователь А.И. Кравченко, говоря о социологии повседневности, определяет последнюю как многомерное и многоуровневое явление, и относит ее к «зоне се-

кундного взаимодействия, мгновенного и неустойчивого восприятия мира, текучих впечатлений, жидкой реальности, поступков, вещей, событий, небольших диалогов» и считает, что это «жизненный мир непросвещенного индивида, массовой культуры, низового бытия» с текучей современной социальной реальностью [8, с. 41]. Причем, по мнению А.И. Кравченко, практика повседневной жизни является уникальной по своей природе и делающей акцент на потребителе, а также, на потребительском производстве, знаменая, таким образом, «новый старт для изучения культуры снизу-вверх» [8, с. 47].

Нами под повседневностью подразумевается определенный процесс жизнедеятельности молодежи, разворачивающийся в новом социокультурном дискурсе, в котором сокрыты новые значения и смыслы повседневной культуры молодежи, «которыми ограждается и символическое, и реальное социокультурное пространство молодежи, наполняется ее повседневная жизнедеятельность» [9, с. 167]. Отправной точкой изучения ПСП молодежи мы считаем ситуации и события, связанные с речевой и неречевой коммуникацией, отражающей повседневную молодежную культуру в целом, и молодежный социокультурный дискурс, в частности.

Понятие «дискурс» включает явления и категории, находящиеся за пределами формального языка, содержит множество экстралингвистических элементов» [10, с. 6]. Согласно суждению А.В. Деникина, З.Д. Деникиной и А.С. Проскуриной, дискурс является частью повседневных коммуникативных практик, «дискурс – это пример структуры, способствующей адаптации индивида к изменениям и одновременно генерирующей такие изменения», при этом дискурс имеет отношение не только к сфере социолнгвистики, но и к образу мышления и его социально-коммуникативным практикам [4, с. 17].

Социокультурные параметры дискурса ПСП молодежи реализуются в коммуникативной деятельности и определяются специфическими особенностями социокультурного пространства.

Молодежный социокультурный дискурс погружен в ситуацию социально-коммуникативной практики, «выводимой из коммуникативной ситуации», сконцентрированной преимущественно в виртуальном пространстве социальных сетей и выступающей элементом коммуникативной культуры повседневности российской молодежи [2, с. 927].

В молодежном социокультурном дискурсе отражается не только молодежная лексика, но и

текущее состояние социокультурного пространства общества, его ценностно-нормативных оснований. Например, в рамках виртуальной коммуникации – внедрение в повседневную обиходную речь молодежных интернет-сленгов как внутренних и внешних регуляторов социального поведения молодых людей, что свидетельствует в пользу того, что виртуальное пространство стало занимать немаловажную часть в жизнедеятельности современного информационного общества.

Молодежный социокультурный дискурс можно также определить:

- как способ выражения социально-культурной идентичности молодежи, как способ идентификации молодежи [9];

- как выражение объективной реальности дискурсных событий, молодежного сленга, жаргона, детерминированного социокультурными факторами [10];

- как реальное измерение коммуникативных практик и лексических инноваций в современном киберпространстве [11].

Таким образом, молодежный дискурс проявляется в разных ипостасях в силу многообразия молодежной реальности, ее социальных и культурных практик. Данное многообразие рассматривается во взаимовлиянии и взаимосвязи межличностной и деловой коммуникации, досуговой и учебной (рабочей), «самодеятельно аутентичной» (свободной) и «контролируемой (социальными институтами) молодежных повседневных активностей» и практик [12, с. 409].

Таким образом, молодежный социокультурный дискурс имеет прагматическую составляющую, «включая реализацию молодежного дискурса, выраженную на различных языковых уровнях, следование определенным стратегиям и тактикам» [10, с. 7].

Концепция молодежного дискурса вовлекает в дискурсивный анализ многие социально и культурно обусловленные аспекты: установки и ценностные ориентации коммуникантов, их статусно-ролевые позиции, этническую принадлежность, перцептивно-интерактивную сторону молодежной коммуникации.

Что касается целей и тематического содержания молодежного дискурса, то он включает диапазон от обучения до развлечения. По мнению З.З. Сидорович, сегодня молодежная коммуникация базируется на обмене эмоционально-чувственными переживаниями, «отсюда возникающие группы «по интересам» как обязательное условие межличностного общения молодых людей. Другая сторона – неприятие чужой позиции

и «чужого» в свой круг общения, нежелание идти на компромисс, категоричность и безапелляционность в высказываниях»; при этом молодые люди хотят быть «услышанными, завоевать авторитет, самореализоваться, отстаивать свое мнение, что проявляется в их поведении, и в языке общения» [13, с. 116].

ПСП российской молодежи обладают следующими характеристиками: реализацией речевой и текстовой коммуникации, ситуативной и социальной детерминацией, связью с когнитивными процессами и проявлением интерактивности [10]. Т.е., исходя из этого, в дискурсе ПСП молодежи можно выделить следующие аспекты: коммуникативный, когнитивный, интерактивный, социолингвистический, которые рассматриваются с позиций участников коммуникации. Повседневная социальная практика, становясь привычкой, перестает контролироваться молодыми людьми и начинает формировать их «аттитюды социального взаимодействия с другими людьми, образ жизни в целом» [5, с.1615].

Проявление последствий трансформации языковой коммуникации и ломки базовых параметров повседневности весьма заметно в повседневных социальных практиках российской молодежи. Ключевыми характеристиками изменений молодежного дискурса повседневности является трансформация устной (речевой) и письменной (текстовой) форм реализации дискурса. Так, например, англо-американская молодежная лексика, будучи активной составляющей американской культуры, «становится одним из факторов изменений культуры повседневности российской молодежи, проникая в культуру вместе с реалиями западной жизни» [14, с. 274], связанных с представлениями о компьютерно-опосредованной коммуникации в социальных сетях, Интернете, компьютерных инновациях и пр.

Рассмотрим факторы изменений социокультурного дискурса повседневных социальных практик российской молодежи:

1) Социокультурный фактор, связанный с трансформацией ценностных ориентаций молодежи. Как известно, превалирующие ценности в обществе являются ключевой составляющей культуры повседневности, которая определяет взаимодействие и взаимоотношения в различных социальных группах, и в молодежной группе, прежде всего. Е.А. Тупичкина и С.И. Семенака справедливо отмечают, что особое состояние культуры повседневности в обществе являются «своеобразной точкой перестройки общественного развития и трансформации ценностей» в

контексте глобализационных процессов [15, с. 39]. Информационное общество, по мнению авторов, заменяет «традиционные парадигмы во всех сферах жизни – социальной, образовательной, культурной и аксиологической» [15, с. 41]. Триггерным механизмом трансформации ценностных ориентаций и изменений культуры повседневности российской молодежи стало внедрение в общество западных ценностей и проникновение англо-американской лексики в языковую молодежную коммуникацию.

Общественное мнение отражает обеспокоенность по вопросам, связанным с опасностью для российского социокультурного дискурса повседневности в силу тенденции заимствования из иностранных языков, что наносит ущерб русскому языку и российским ценностям. Об этом, согласно данным ВЦИОМ, свидетельствует две трети опрошенных (68%), считающих, что языковые и социокультурные традиции необходимо оберегать и всеми доступными средствами бороться за чистоту языка и традиционных ценностей [16].

2) Социально-антропологический фактор изменений дискурса повседневности молодежи, связанный с проблемой языковых заимствований, т.к. язык неразрывно связан с человеческим фактором, «являясь одним из основополагающих факторов изменения этноса культуры (ментальности) – системы образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире. Язык определяет поступки и поведение», причем поведение молодых людей [14, с. 275] связано с социокультурными нормами и традициями, связанными с внедрением иностранных слов и влияющими на т.н. символические программы мышления [17].

Здесь уместным будет привести данные опроса, проведенного в 2023 г. ФОМ, посвященного отношению различных групп населения к проникновению иностранных слов в речь: так, 57% опрошенных сказали, что подобные заимствования языку не нужны, а 28% – поддержали заимствование, отмечая, что «так язык становится богаче и точнее». Большая часть тех, кто поддержал заимствования, молодежь от 18 до 30 лет [18].

Кроме того, к социально-антропологическому фактору изменений дискурса ПСП российской молодежи мы относим и фактор ее профессионального самоопределения, который указывает на существующие противоречия, свидетельствующие о возрастании «ценностей индивидуализма в профессиональной деятельности, т.к. существенно упала значимость хорошего коллектива и возможности приносить людям пользу»,

«ранее господствующие установки на патерналистскую опеку со стороны государства видоизменились, превратившись в ориентации и установки на собственную ответственность за самоопределение» [19, с. 123], на фоне резко возросшего «знакового потребления образовательных продуктов: желание получить диплом» [19, с. 121]. Данные мотивы, так или иначе, указывают на изменение социокультурного дискурса ПСП современной российской молодежи.

3) Социально-политический фактор изменений дискурса повседневных социальных практик молодежи, в рамках которого отражаются изменения политической ситуации и социально-политические взаимодействия. Как подчеркивает С.А. Королев, «язык стал средством политической индоктринации и насаждения новых идеологических смыслов через новые термины, переосмысление и наполнение новым содержанием старых понятий» [20, с. 62], при этом, по мнению автора, определенной формой социокультурного и социально-политического противостояния власти в определенной степени является язык Интернета, которым активно пользуется современная российская молодежь [20, с. 69].

Кроме того, современные СМИ также вносят свою немалую лепту в изменение дискурса ПСП российской молодежи, поскольку отличаются большей долей политизированности и употребления англо-американской лексики на фоне размывания языковых норм и повышенной экспрессивности. Как справедливо подчеркивает А.М. Юсупова, лексическая практика СМИ «максимально приблизилась к устной повседневной речи. На страницах газет, в том числе и качественных, появились жаргонизмы и просторечия», а также «вульгаризация литературной и разговорной речи и усиление процесса заимствования иноязычных слов: «пати», «прайс», «сейшн», «хакер», «хэпи энд», «юзер» и многие другие [21, с. 62]; проникновение Интернет-культуры в повседневную практику СМИ посредством использования Интернет-мемов (всякая короткая информация в виде слова, фразы, изображения) [21, с. 64].

4) Социально-экономический фактор изменений дискурса повседневности молодежи связан с социально-экономическими контактами, торговлей, рекламой – на макроуровне и неравенством социально-экономического статуса российской молодежи, а также инновационными потребительскими практиками – на микроуровне.

Вполне очевидные черты западной культуры повседневности, ранее не свойственные рус-

скому этносу, просматриваются не только в отношении молодежи к трудовой деятельности и профессиональному самоопределению, но и к культуре потребления, также вписывающуюся в рамки теории социальных практик. Молодежь, вовлекаясь в ПСП Интернет-шоппинга, стала носителем западной культуры повседневного потребления, под которым Н.Ю. Фирсова подразумевает «процесс, в котором агенты вовлечены в присвоение и пользование товарами, услугами, перформансами, информацией или обстановкой с утилитарными, экспрессивными или созерцательными целями, независимо от совершения трансакции покупки, но которыми агент может в какой-то мере распоряжаться». Это определение, по суждению Н.Ю. Фирсовой, «помещает потребление в контекст повседневности» [6, с. 33]. В случае Интернет-шоппинга, которым активно пользуется современная российская молодежь, мотивацией вовлеченности в эту социальную практику «может быть, как желание «сэкономить» свободное время, избегая поездок в магазины и супермаркеты, так и желание купить товары по более низким ценам» [6, с. 37], что, в свою очередь, также свидетельствует в пользу изменения ПСП молодежи.

5) Коммуникативно-информационно-технологический фактор изменений дискурса повседневности молодежи связан с использованием инструментов и продуктов цифрового общества: информационных технологий, мобильных телефонов, компьютеров, Интернета. Компьютерно-коммуникативный фактор или, иначе – «компьютерно-опосредованная коммуникация – процесс инициации и восприятия информации в виртуальной среде с опорой на технические устройства, обеспечивающие доступ к Интернету» [3, с. 19]. Действительно, именно сеть Интернет, а также использование информационных технологий – выступают ключевым источником поиска информации для молодежи и являются важнейшими факторами, оказывающими влияние на ее повседневную жизнедеятельность. Как вид повседневной социальной практики учеба занимает второстепенные позиции в структуре времени молодых людей, уступая коммуникации в социальных сетях [9], в рамках которой российская молодежь направлена преимущественно на сленговую коммуникацию с использованием англоязычной лексики, а также сочетания русских и английских слов и устойчивых выражений.

Вследствие этого, возникает проблема коммуникации между поколениями, которые принадлежат разным культурам. У большей части взрослого населения, слабо владеющего английским

языком, возникают затруднения в понимании англо-американской молодежной лексики.

Кроме того, молодежь оказывается «внутренне не способной воспроизводить социальные отношения общества в период «быстрых перемен», возникает межпоколенческое отчуждение между взрослым поколением и молодежью «как результат проблем коммуникации, влияющих на изменение ценностного сознания» [14, с. 277], а, следовательно, влияющих и на изменение ПСП молодежи.

Вторым негативным следствием влияния цифрового общества на ПСП и культуру повседневности российской молодежи является «дегуманизация различных аспектов существования», поскольку «законы бизнеса (а главный – получение прибыли) перекрывают нравственные основы бытия человека и гуманности» [22, с. 89].

Третьим негативным следствием влияния цифрового общества на ПСП молодежи является изменение коммуникации, «формируется искусственная социальная псевдосреда», в рамках которой «виртуальная реальность многим заменяет живое общение» [22, с. 89], а благодаря мобильным телефонам сформировались новые ПСП взаимодействия: SMS- и MMS-сообщения, голосовые сообщения. Мобильная связь, наряду с Интернетом, оказывает серьезное влияние на изменение социокультурного дискурса ПСП российской молодежи: меняются границы личного, публичного и приватного пространства. «То, что было личным еще «вчера», – становится публичным и «в ожидании лайков» выставляется напоказ» [22, с. 91]. «Конструирование повседневной социальной реальности часто проявляется сегодня в практиках просьюмеризма» (prosumerism, produce and consume, – от англ. одновременно производить и потреблять). Молодежь является не только крупнейшей социальной группой пользователей цифровых технологий, но и главным просьюмером цифрового контента, который производится и распространяется в сети Интернет [4].

Виртуальная коммуникация молодежи трансформирует «модель потребления и производства культуры, порождая новые электронно-сетевые социокультурные практики» [23, С. 118].

Все это свидетельствует об изменении культуры повседневности российского общества в целом, и молодежных ПСП, в частности.

Заключение.

Таким образом, молодежная коммуникация и ПСП российской молодежи, ранее остававшиеся стабильными, в информационно-цифровом обществе претерпевают серьезные изменения:

происходит трансформация языковой коммуникации и ломка базовых параметров повседневности, изменяется социокультурный дискурс повседневных социальных практик молодежи под воз-

действием ряда факторов: социокультурного, социально-антропологического, социально-политического, социально-экономического, коммуникативно-информационно-технологического.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Гафиатулина Н.Х., Сизова Н.М. Социальное самочувствие российской молодежи в свете теории структурной маргинальности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. №3. С. 36-40.
2. Затонских О.М. Формирование среды молодежного дискурса // *Endless light in science*. 2023. №1. С. 927-932.
3. Шаклеин В.М., Ковтуненко И.В. Русская блогосфера: прагматическая и лингвокультурная специфика реализации категории связности: монография. М.: ФЛИНТА, 2023. 336 с.
4. Деникин А.В., Деникина З.Д., Проскура А.С. Жизненные стратегии молодежи в современном социологическом дискурсе и массовой коммуникации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. №4. С. 16-22.
5. Рябоконева Е.В. Новые повседневные социальные практики молодежи в условиях цифровизации / *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург*, 2023. С. 1615-1618.
6. Фирсова Н.Ю. Предикторы инновационных потребительских практик: освоение интернет-шоппинга в российских домохозяйствах // *Экономическая социология*. 2013. Т.14. №4. С. 27-57.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов: под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Издательство «Мир и Образование», 2008. 640 с.
8. Кравченко А.И. Социология повседневности // *Социология*. 2023. №4. С. 41-60.
9. Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи // *Кавказ и мир*. 2015. №20. С. 166-170.
10. Бекжанова Ж.Е. Молодежный дискурс: сущность, функции, форматы: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 280 с.
11. Майба В.В. Лексические инновации в современном англоязычном киберпространстве / В сборнике: *Преподаватель высшей школы в XXI веке. Труды 20-й Юбилейной международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 2023. С. 182-190.
12. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. / *Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 395-413.
13. Сидорович З.З. Молодежный дискурс как объект лингвистического исследования / *Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Сборник научных статей. В 2-х частях. Часть 2*. 2022. С. 113-119.
14. Разумовская Е.А. Молодежная лексика и ее особенности // *Социальная политика и социология*. 2008. №2. С. 274-277.
15. Тупичкина Е.А., Семенака С.И. Влияние социокультурных факторов на трансформацию ценностных ориентаций у российской молодежи // *Научно-педагогическое обозрение*. 2022. №4. С. 37-47.
16. Электронный ресурс <https://tass.ru/obschestvo/6189858> (Дата обращения 8.01.2025).
17. Андриевская Ж.В., Беликова Н.Ю., Муллаширов Р.Н. Социокультурный анализ символических программ мышления и социального поведения человека в российском обществе // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022. № 3. С. 236-241.
18. Электронный ресурс <https://ok.ru/argumenti/topic/155545779225867> (Дата обращения 8.01.2025).
19. Банникова Л.Н. Социально-профессиональный выбор студентов в дискурсе социологии повседневности // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. №2 (23). С. 118.
20. Королев С.А. Власть и повседневность: социально-философский взгляд // *Россия и современный мир*. 2008. №3 (60). С.49-73.
21. Юсупова А.М. Интернет-культура в языке современных СМИ // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2018. Т.2. №2. С. 62-67.

22. Сытых О.Л. Культура повседневности: тенденции изменений // *Society and Security Insights*. 2023. Т.6. №1. С. 86-95.

23. Нархова Е.Н. и др. Тенденции актуальной культуры студенческой молодежи в виртуально-цифровом пространстве // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. №2. С. 110-125.

References:

1. Gaftatulina N.Kh., Sizova N.M. Social well-being of Russian youth in light of the theory of structural marginality // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2023. No. 3. Pp. 36-40. (In Rus).

2. Zatonskikh O.M. Formation of the environment of youth discourse // *Endless light in science*. 2023. No. 1. Pp. 927-932. (In Rus).

3. Shaklein V.M., Kovtunen I.V. Russian blogosphere: pragmatic and linguocultural specifics of the implementation of the category of coherence: monograph. Moscow: FLINTA, 2023. 336 p. (In Rus).

4. Denikin A.V., Denikina Z.D., Proskurina A.S. Life Strategies of Young People in Modern Sociological Discourse and Mass Communication // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2023. No. 4. Pp. 16-22. (In Rus).

5. Ryabokoneva E.V. New Everyday Social Practices of Young People in the Context of Digitalization / *Russian Society Today: Values, Institutions, Processes. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. St. Petersburg, 2023. Pp. 1615-1618. (In Rus).

6. Firsova N.Yu. Predictors of Innovative Consumer Practices: Mastering Online Shopping in Russian Households // *Economic Sociology*. 2013. Vol. 14. No. 4. Pp. 27-57. (In Rus).

7. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov: edited by prof. L.I. Skvortsov. M.: Publishing House "Peace and Education", 2008. 640 p. (In Rus).

8. Kravchenko A.I. Sociology of Everyday Life // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 41-60. (In Rus).

9. Gaftatulina N.Kh., Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M. Everyday Social Practices as a Way of Identifying Russian Student Youth // *Caucasus and the World*. 2015. No. 20. Pp. 166-170. (In Rus).

10. Bekzhanova Zh.E. Youth discourse: essence, functions, formats: monograph. Moscow: FLINTA, 2018. 280 p. (In Rus).

11. Maiba V.V. Lexical innovations in modern English-language cyberspace / *In the collection: Higher education teacher in the 21st century. Proceedings of the 20th Anniversary international scientific and practical conference*. Rostov-on-Don, 2023. Pp. 182-190. (In Rus).

12. Lukov V.A. Conceptualization of youth in the 21st century: new ideas and approaches. / *New ideas in sociology: monograph* / ed. Moscow: UNITY-DANA, 2013. Pp. 395-413. (In Rus).

13. Sidorovich Z.Z. Youth discourse as an object of linguistic research / *The Slavic world and national speech culture in modern communication. Collection of scientific articles*. In 2 parts. Part 2. 2022. Pp. 113-119. (In Rus).

14. Razumovskaya E.A. Youth vocabulary and its features // *Social policy and sociology*. 2008. No. 2. Pp. 274-277. (In Rus).

15. Tupichkina E.A., Semenaka S.I. The influence of socio-cultural factors on the transformation of value orientations among Russian youth // *Scientific and pedagogical review*. 2022. No. 4. Pp. 37-47. (In Rus).

16. Electronic resource <https://tass.ru/obschestvo/6189858> (Accessed 01/08/2025). (In Rus).

17. Andrievskaya Zh.V., Belikova N.Yu., Mullashirov R.N. Sociocultural analysis of symbolic programs of thinking and social behavior of a person in Russian society // *State and municipal administration. Scientific notes*. 2022. No. 3. Pp. 236-241. (In Rus).

18. Electronic resource <https://ok.ru/argumenti/topic/155545779225867> (Accessed 01/08/2025). (In Rus).

19. Bannikova L.N. Social and professional choice of students in the discourse of everyday sociology // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2013. No. 2 (23). P. 118. (In Rus).

20. Korolev S.A. Power and everyday life: a social and philosophical view // *Russia and the modern world*. 2008. No. 3 (60). Pp. 49-73. (In Rus).

21. Yusupova A.M. Internet culture in the language of modern media // *Humanitarian and pedagogical studies*. 2018. Vol.2. No.2. Pp. 62-67. (In Rus).

22. Sytykh O.L. Everyday culture: trends of change // *Society and Security Insights*. 2023. Vol.6. No.1. Pp.86-95. (In Rus).

23. Narkhova E.N. et al. Trends in the current culture of student youth in the virtual-digital space // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2021. No.2. Pp.110-125. (In Rus).

Информация об авторах:

Майба Вита Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Ростовский государственный университет путей сообщения, vita.maiba@yandex.ru

Сизова Наталья Мироновна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры административного права, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, natasizo@mail.ru

---

Гафиатулина Наталья Халиловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Института социологии и регионоведения; Южный Федеральный университет. gafiatulina@yandex.ru. https://orcid.org/orcid_0000-0002-7548-1350.

Vita V. Mayba, PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Rostov State Transport University .

Natalya M. Sizova, PhD in Philosophy, Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Natalya Kh. Gafiatulina, PhD in sociological science, associate professor, associate professor, Institute of sociology and regional studies; South Federal University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2024;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.01.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.